

© 2002 г. Л.В. МЕЛЬНИКОВА*

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

В этом году мы отмечаем 190-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. На протяжении всех этих лет «гроза 12-го года» неизменно была одной из самых излюбленных тем отечественной историографии. Однако участие в войне Русской православной церкви долгое время не было предметом комплексного исследования. До 1917 г. эта проблема рассматривалась лишь в общих трудах по истории войны¹ и в нескольких изданиях, приуроченных к ее столетию². В советское время по понятным причинам роль Церкви в Отечественной войне практически не изучалась (об этом либо молчали, либо писали в негативном плане). В конце 1980–1990-х гг., когда наметился постепенный отход от советской идеологии, деятельность духовного сословия начала привлекать внимание исследователей. Статьи А. Смирнова, Ю. Лубченкова и Е. Сергеевой³ о военном духовенстве носили чисто информативный характер и были написаны на основе опубликованных документов и работ дореволюционных историков. Н.С. Крылов, построив свою публикацию⁴ на материале РГИА, дал общую характеристику деятельности армейского духовенства в 1812 г. и отметил необходимость дальнейшего изучения этой проблемы. В материалах научных конференций, проводимых ежегодно в Малоярославецком военно-историческом музее 1812 года, было опубликовано несколько краеведческих заметок о деятельности приходского духовенства Калужской епархии⁵.

Немногочисленные попытки дать оценку деятельности Церкви в 1812 г., к сожалению, не являлись результатом внимательного, объективного изучения всего комплекса сохранившихся источников и поэтому носили весьма упрощенный и тенденциозный характер. Так, Н.А. Троицкий в книге «1812. Великий год России» в главе «Народная война», рассмотрев деятельность духовного сословия по материалам трехтомника К.А. Военского «Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года», посвященного западным губерниям Российской империи, не учел ни специфики положения этих районов, ни конфессиональной принадлежности духовенства, но при этом сделал обобщенный вывод, касающийся деятельности Церкви в целом, заявив, что в 1812 г. она «скомпрометировала себя перед Россией»⁶. А.И. Попов, опубликовавший несколько статей, о «народной войне» и, в частности о влиянии на нее духовенства⁷, в качестве основного (и почти единственного) источника использовал воспоминания офицеров Великой армии. Оценив их весьма некритически и оставив без внимания ряд важных факторов (в том числе и проповеди священнослужителей), он заявил, что духовенство «фанатизировало» невежественный народ, который повел борьбу с врагом любыми средствами, что спровоцировало, в свою очередь, грабежи и осквернения православных храмов оккупантами. Между тем комплексное изучение первоисточников, хранящихся в РГИА, РГВИА и ЦИАМ, а также многочисленных опубликованных материалов, позволяет однозначно утверждать: Русская православная церковь сыграла значительную роль в победе России над наполеоновской Францией. Православное духовенство проводило многостороннюю деятельность, направленную

* Мельникова Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института российской истории РАН.

на сплочение русского общества и организацию движения сопротивления. Учитывая ограниченный объем настоящего сообщения, я поставила перед собой задачу кратко охарактеризовать основные направления деятельности Церкви во время войны 1812 г.: антинаполеоновскую церковную проповедь, участие духовенства в организации и деятельности народного ополчения и движения сопротивления на оккупированной территории, а также функции и задачи военного духовенства в регулярной армии.

В начале XIX в. православие являлось идеологической и духовной основой Российской империи и одним из важнейших факторов, определявших мировоззрение русского народа. Первенствующее положение православия закреплялось в законодательстве, где оно называлось религией, «господствующей в государстве»⁸. Между Православной церковью и государством существовала тесная связь, причем государственная власть фактически подчиняла себе все церковные структуры.

Непосредственное общение государственной власти и Русской православной церкви с народом осуществлялось через приходские храмы. Здесь прочитывались Высочайшие манифесты и указы, предназначенные для обнародования, здесь велось религиозное воспитание народа на языке священных книг и описаний жития святых. Через молитвы и богослужения Церковь воодушевляла верующих любовью к царю и Отечеству до готовности положить за них свою жизнь. Идеологическая роль Церкви особенно ярко проявлялась в армии, ибо речь шла, по сути дела, о моральной санкции такого кровавого и ужасного явления, как война. Считая войну вообще бедствием и несомненным злом, Русская православная Церковь войны в защиту Отечества полностью оправдывала, объявляя их священными, а погибших в них воинов – совершившими жертвенный подвиг во славу России.

Религиозно-патриотическое воспитание солдат велось силами военного духовенства. В религиозных беседах и проповедях полковые священники на доступном солдатам языке, с точки зрения православия, объясняли такие важные проблемы, как необходимость воинского состояния и войн, возможность сочетания военной службы и спасения своей души, обязанности воина на поле брани и в мирное время, отношение к императору, друг к другу и к противнику, важность и значение присяги, знамен, оружия и др. Священнослужители объясняли солдатам священный характер войны в защиту Отечества, которую благословляют Бог и Православная церковь, а также важность и престижность положения воина, призванного защищать веру, Отечество и государя⁹. В годы войны проповеди военного содержания звучали не только в армии и на флоте, но и в приходских храмах. Их смысл заключался в том, чтобы объяснить народу характер войны и призвать к мобилизации моральных и физических сил для организации отпора врагу.

Первое обращение Церкви к народу, посвященное борьбе с наполеоновской Францией состоялось в декабре 1806 г. по указанию Александра I в связи с созывом ополчения. Решение императора было вызвано пониманием того, что российская регулярная армия по своей численности не может противостоять армии Наполеона, и что, следовательно, необходимо ее увеличить за счет ополчения. Дополнительный набор рекрут мог вызвать недовольство как со стороны дворянства, так и со стороны крестьян. Поэтому было очень важно показать необходимость нового созыва. Эту задачу император возложил на духовенство. В указе Александра I Святейшему Синоду от 6 декабря 1806 г. было сказано: «Мы призываем Святейший Синод предписать всем местам и чинам, ему подвластным, дабы градские и сельские священники в настоящих обстоятельствах, при образовании земского ополчения усугубили ревность свою ко внушению своим прихожанам, колико ополчение сие для спасения Отечества необходимо». Нужно было показать, что война, которую ведет Россия, носит справедливый, освободительный характер, что «не искание тщетной славы, но безопасность наших пределов, безопасность Отечества... влагает им (русским воинам. – Л.М.) в руки оружие»¹⁰.

Войну 1806 г. назвать освободительной было довольно трудно, поэтому в «Объявлении» Святейшего Синода, которое вышло вслед за указом императора и читалось во всех приходских храмах в первый воскресный и праздничный дни, она представлялась

как война с «неистовым врагом мира и благолюбивой тишины», который «самовластно присвоил себе царственный венец Франции и силою оружия, а более коварством распространил власть свою на многие соседние с нею государства», опустошил мечом и пламенем их города и села и теперь «держает... угрожать России вторжением в ее пределы, разрушением благоустройства... и потрясением православных Грекороссийских Церкви»¹¹. В такой интерпретации, не лишенной исторической достоверности, война действительно принимала справедливый, освободительный характер. Главное обвинение в адрес Наполеона заключалось в том, что он отступил от Бога и теперь является гонителем христианской Церкви. «Еще во времена... Богопротивной революции, – говорилось в обращении, – он ... на сходбищах народных торжествовал учрежденные лжеумствующими Богоотступниками идолопоклоннические празднества и в сонме нечестивых сообщников своих воздавал поклонение, единому Всевышнему Божеству подобающее, истуканам, человеческим тварям и блудницам, идольским изображением для них служившим... Наконец, к вщему посрамлению Церкви Христовой, созвал во Франции Иудейские синагоги... и установил новый великий сангедрин (синедрион. – Л.М.) Еврейский, сей самый Богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа – и теперь помышляет соединить Иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устремить их на испровержение Церкви Христовой и... на провозглашение» в его лице «лжемессии». По мнению Синода, «благодать Божия отступила от Наполеона; ничто уже не соединит его с Богом, которому он сделался толь ужасно неверным; ... его преследует вечное осуждение». Церковь призывала прихожан соблюдать православную веру, «воспламенить души любовью к Отечеству, требующему защиты», проявить «приверженность и Избраннику Божию Государю нашему», сохранить почтительность и повиновение властям и вооружиться против «врага Церкви и Отечества»¹². Высказывалась твердая надежда на то, что Бог благословит эти святые намерения.

Гонения на Церковь и религию во времена Французской революции, упоминавшиеся в приведенном документе, не осуществлялись непосредственно Наполеоном. Однако несомненная связь Бонапарта с революцией дала основание Святейшему Синоду выступить с таким «Объявлением». Что касается церковной политики самого Наполеона, то она отличалась несомненным прагматизмом. В 1801 г. он заключил с католической церковью конкордат, согласно которому католицизм был признан религией «преобладающего большинства французского народа». Это был чисто политический акт, поскольку в обмен на восстановление свободы религии Наполеон получил для своего режима благословение папы, порвавшего тем самым с Бурбонами. Естественным следствием религиозной реформы стало желание Наполеона получить благословение Церкви на императорство. Желая укрепить связь всех основных культов с государством, Наполеон признал кальвинистскую, лютеранскую и еврейскую конфессии. В рамках признания иудаизма в мае 1806 г. Наполеон созвал в Париже Великий синедрион, к которому христианское общество отнеслось враждебно, причем, если большинство европейских государств ограничилось простым замалчиванием этого события, то в России Православная церковь не только объявила о синедрионе всенародно, но дала ему соответствующую оценку, намекнув на приход «лжемессии».

К моменту нападения на Россию произошел разрыв Наполеона с церковью. После неудачных попыток давления на папу с целью заставить его прервать отношения с политическими противниками Франции Бонапарт захватил папские провинции, упразднив тем самым мирскую власть Пия VII, ответившего на это изданием буллы об отлучении Наполеона от Церкви. Наполеон, в свою очередь, захватил самого Пия VII, который находился в плену вплоть до 1814 г. Эти события в глазах христианского мира окончательно превратили Наполеона в безбожника и позволили воспринимать его политику как выступление против христианства. Поэтому неудивительно, что в начале войны 1812 г. Русская православная церковь призвала прихожан к защите не только царя и Отечества, но также православной веры и святых храмов: от человека, непочти-

тельно относившегося к главе собственной Церкви (от которой он был отлучен!) вряд ли можно было ожидать уважительного отношения к религии покоряемого народа.

В воззвании Святейшего Синода, вышедшем вслед за манифестом Александра I от 6 июля 1812 г. о созыве ополчения, как и в «Объявлении» 1806 г., подчеркивалась связь происходивших событий с революцией 1789 г., во время которой «ослепленный мечтою вольности народ французский испровергнул престол единодержавия и алтари христианские» и тем самым заслужил Божественное проклятие («мстящая рука Господня видимым образом отяготела сперва над ним, а потом, через него и вместе с ним, над теми народами, которые наиболее отступлению его последовали»¹³). Начавшаяся война осознавалась как «искушение», нависшее под Россией, которое она должна преодолеть с Божьей помощью и еще больше утвердиться «в уповании на промысл». Наполеон именовался «властолюбивым, ненасытым, не хранящим клятв, не уважающим алтарей врагом», который «покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим, и на благолепие храмов Божиих... простирает хищную руку»¹⁴. Церковь призывала прихожан «принять оружие и щит» и «охранить веру отцов». Духовенству предписывалось укреплять людей в вере, отвращать их от вражеской пропаганды и призывать к участию в организации и деятельности ополчения. «Внушайте сынам силы в упование на Господа сил. Вооружайте словом истины простые души, открытые нападениям коварства. Всех научайте словом и делом не дорожить никакою собственностью, кроме Веры и Отечества»¹⁵.

Воззвание Святейшего Синода было оглашено во всех храмах после объявления Высочайшего манифеста от 6 июля. Основные положения, изложенные в этом воззвании: о справедливой войне в защиту Отечества, благословляемой Богом, о Наполеоне как враге России и Православной церкви, а также о важной миссии, возложенной Богом на Россию, которой предназначено остановить завоевания французского императора и освободить Европу, получили развитие в речах, проповедях и молитвах священнослужителей, обращенных к армии, ополчению и народу. Эти мысли использовались во время войны для патриотической пропаганды также и светскими лицами (императором, военными и гражданскими начальниками, деятелями культуры). Наиболее ярким примером является присланное для распространения в войсках профессором Дерптского университета В.Ф. Гецелем военному министру М.Б. Барклаю де Толли письмо, содержавшее каббалистическое изъяснение двух мест из Апокалипсиса Святого Апостола Иоанна, где в имени императора Наполеона высчитывалось «звериное число 666» и предсказывалось его падение в 1812 г.¹⁶

Важность патриотической пропаганды понималась прежде всего самим императором, который во время войны неоднократно давал духовенству соответствующие предписания, стимулируя его проповедническую деятельность. Например, в июле 1812 г. при организации в Смоленской губ. партизанского движения Александр I направил Смоленскому епископу Иринею рескрипт, в котором говорилось о необходимости для священнослужителей «внушениями и увещаниями своими ободрять» жителей губернии и не только «отвращать их от страха и побега, но, напротив, убеждать, как того требует долг и Вера Христианская, чтобы они, совокупясь вместе, старались вооружиться, чем только могут, дабы, не давая никакого пристанища врагам, везде и всюду истребляли их и вместо робости наносили им великий вред и ужас»¹⁷.

По приказу императора Александра I епископ Августин (Виноградский), vicарий Московского митрополита Платона, 17 июля написал молитву «о победе на врага» для ежедневного чтения на литургии в церквях Московской епархии. Текст молитвы был напечатан в 1500 экз. и разослан по монастырям и церквям епархии. А немного раньше, в конце июня 1812 г., по церквям Санкт-Петербургской епархии было распространено напечатанное в 1200 экз. «пастырское приглашение к молитве» митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Амвросия с призывом к «сынам Отечества» разделить «святые чувствования» монарха Александра I, вручившего «провидению праведное дело свое», и обратиться к Богу с «теплым молением о помощи»¹⁸. Подобные молитвы читались и в других епархиях. Даже в Финляндии, незадолго до начала Отечественной войны включенной в состав Российской империи, была составлена осо-

бая молитва, содержащая смиренную просьбу к Богу «положить предел высокомерию завоевателя» и «даровать победу справедливому делу» «миролюбивого Государя» Александра I¹⁹.

В глазах русского народа правильность антинаполеоновской церковной проповеди подтвердило поведение завоевателей, ставшее для нее своеобразной наглядной иллюстрацией. С первых шагов по российской земле солдаты Великой армии принялись грабить православные храмы и монастыри. Платов еще из-под Рудни доносил Барклаю де Толли: «Святые церкви не избегают неистовства французов, сосуды и утварь разграбляются»²⁰. Режим оккупации пробуждал самые низменные инстинкты. Поэтому от грабежа неприятельские солдаты часто переходили к прямому осквернению православных святынь. Известны случаи в Смоленской и Московской губ., когда оккупанты пускали на дрова иконы, а в качестве мишеней для стрельбы использовали лики святых. Многие храмы они превратили в провиантские магазины, конюшни и скотобойни. Этот вандализм завоевателей вызвал взрыв всеобщего негодования и способствовал расширению движения народного сопротивления.

В борьбе с врагом крестьяне часто проявляли излишнюю жестокость (рубил пленным французам головы или закапывали их в землю живыми). Однако неправомерно, подобно А.И. Попову, объяснять эту жестокость церковной пропагандой. Наоборот, призывая к борьбе с врагом, священники всегда выступали против ожесточения, ибо враг – тоже человек, созданный по образу и подобию Божию. Однако варварское отношение завоевателей к православным святыням заставило народ воспринимать их как «нехристей», варваров. Эта мысль во время войны звучала неоднократно. Так, в особом «Известии» о состоянии Москвы от 17 октября 1812 г., составленном по достоверным данным и по распоряжению императора обнародованном в церквях, говорилось, что обычное определение «неприятель» является для солдат наполеоновской армии слишком «обыкновенным и недостаточным», ибо их поведение недостойно не только просвещенного народа, который во время войны заботится как о славе оружия, так и о соблюдении чести и доброго имени своего государства, но даже дикарей, проявляющих в подобной ситуации «только жадность к грабежу, а не жадность к разрушению того, чего они взять с собой не могут»²¹. М.И. Кутузов, объясняя Наполеону невозможность прекращения партизанской борьбы, отметил, что «народ понимает войну эту нашествием татар и считает всякое средство к избавлению себя от врагов не только непредосудительным, но похвальным и священным»²². Несмотря на сравнение наполеоновской армии с дикарями, документы того времени не содержат призывов к вседозволенности в борьбе с ней. С точки зрения христианской морали, на которой воспитывались русская армия и народ, поверженному врагу необходимо было даровать пощаду. И даже после разграбления и осквернения в 1812 г. Великой армией значительного количества православных храмов, перед началом заграничного похода, Православная церковь и император призывали русских солдат на территории неприятеля не уподобляться врагу и победить его «столько же великодушием своим, сколько оружием»²³. Документы и воспоминания очевидцев содержат немало примеров благородного отношения русских к поверженному врагу (как во время Отечественной войны, так и во время заграничного похода).

Помимо проповеднической деятельности, несомненно, имевшей огромное значение для поддержания в обществе религиозно-патриотического настроения, духовенство также приняло непосредственное участие в организации и деятельности народного ополчения, в партизанском движении, военное духовенство сопровождало регулярную армию во всех переходах и сражениях.

Что касается ополчения, то, как уже говорилось, сразу после выхода Высочайшего манифеста от 6 июля 1812 г. Святейший Синод выступил с соответствующим воззванием, в котором, в частности, предписал духовенству «научить всех словом и делом не допустить никакой собственности, кроме Веры и Отечества». В плане выполнения духовенством этого предписания показателен случай, произошедший 25 июля 1812 г. в г. Тамбове во время заседания Дворянского собрания, рассматривавшего вопрос о созда-

нии ополчения. Преосвященный Иона – епископ Тамбовский и Шацкий, совершив Божественную литургию, во всем облачении вошел в дом, где проходило собрание, исполнил молебственное пение с коленопреклонением и обратился к дворянству и купечеству с краткой речью, призвав «ополчиться единодушно и сокрушить зубы скрежещущего врага», доказать, что «мы за святость веры, за дом Божией матери, за честь и славу великого Монарха нашего готовы победить или умереть»²⁴. Иона первым внес 3 тыс. руб. на создание ополчения. Этот поступок, по словам очевидца, «побудил все состояния к похвальному соревнованию»²⁵.

25 июля Александр I утвердил доклад Святейшего Синода, содержащий следующие предложения: 1) из прибылей, получаемых от продажи свечей в церквях, отдать 1.5 млн руб. «в пособие к составлению новых сил» (половину суммы на Петербургское ополчение, другую – на Московское); 2) пригласить епархиальных архиереев, монастырских настоятелей и прочее духовенство к пожертвованию деньгами, серебряными и золотыми вещами; 3) объявить причетникам, детям священно- и церковнослужителей и семинаристам (не выше риторического класса), что по желанию они могут увольняться в ополчение, получая из церковной кошелевой суммы пособие на одежду и продовольствие²⁶.

Пожертвования от духовенства поступали в местные Духовные консистории, откуда, по согласованию с губернаторами, направлялись в губернские комитеты народного ополчения. Епархиальные архиереи сообщали в Святейший Синод о собранных средствах и о лицах, пожелавших поступить в ополчение. В архиве Синода хранятся рапорты архиереев 32 епархий. Отсутствует отчетность по 4 епархиям, территории которых были заняты неприятелем в начале войны: Московской, Смоленской, Минской и Могилевской. Согласно этим рапортам, духовенство пожертвовало на ополчение: 778561 руб. 80 коп. ассигнациями, 18059 руб. 89 коп. серебром без лажа²⁷, 6452 руб. 99 коп. серебром с лажем, 536 руб. золотом, 3388 руб. 10 коп. медью, 41 пуд 1.5 фунта 40.5 золотников серебра и 8 фунтов 7.5 золотников золота в изделиях и слитках²⁸. Данные о пожертвованиях духовенства Московской епархии были опубликованы в 1912 г. в сборнике документов «Московское дворянство в 1812 году». Они составляют: 126514 руб. 80 коп. ассигнациями, 2702 руб. серебром без лажа, 20 руб. золотом, 19 пудов 26 фунтов 17 золотников серебра и 2 фунта 11 золотников золота в изделиях и слитках²⁹. Эта цифра в сумме с вышеприведенной, а также с 1.5 млн руб., данными Святейшим Синодом, и 5 тыс. руб., поступившими от Соловецкого монастыря³⁰, дает следующий итог: пожертвования православного духовенства на ополчение в 1812 г. составили 2405076 руб. 60 коп. ассигнациями, 20761 руб. 89 коп. серебром без лажа, 6452 руб. 99 коп. серебром с лажем, 536 руб. золотом, 3388 руб. 10 коп. медью; 60 пудов 27.5 фунта 67.5 золотников серебра и 10 фунтов 18.5 золотников золота в изделиях и слитках.

Согласно этим рапортам, в ополчение поступило 412 человек духовного сословия³¹. Среди них значительное место занимают ученики духовных академий, семинарий и уездных училищ. Так, Казанская духовная академия дала 56 человек, Киевская – 22, Калужская духовная семинария – 50, Нижегородская – 2, Харьковский Коллегиум – 8. Ученик Костромской духовной семинарии Василий Яхонтов, служивший в ополчении урядником, за успехи был произведен в унтер-офицеры³².

Помимо семинаристов и церковнослужителей, которые, как не имевшие священного сана, могли взять в руки оружие, при отрядах народного ополчения состояли священники. Они выполняли те же функции, что и военное духовенство в регулярной армии. Губернаторы, обращаясь к епархиальным архиереям с просьбой назначить в ополчение священнослужителей, называли последних «духовными вождями, способными внушать новоизбранным воинам их обязанности и побуждения не щадить жизни для защиты веры, царя и Отечества»³³. Со своими отрядами священники участвовали в сражениях, некоторые из них из походов не вернулись. Так, в октябре 1814 г. под Варшавой скончался протоиерей III отряда Санкт-Петербургского ополчения Алексей Шашкевич³⁴.

Перед выступлением ополчений в поход духовенство, как правило, служило молебн и вручало командирам отрядов иконы и освященные хоругви. Московскому ополчению император Александр I передал образ преподобного Сергия Радонежского. Присланный ему митрополитом Платоном. После войны этот образ был помещен в Успенском соборе Московского Кремля.

В регулярной армии каждый полк имел своего священника, свою походную церковь и, как правило, свою икону, считавшуюся покровительницей этого армейского подразделения. Во время Отечественной войны в русской армии находилась также общая святыня – Смоленская икона Божией Матери, воспринимавшаяся всеми как истинная Путеводительница – Одигитрия. 5 августа 1812 г. при оставлении русской армией Смоленска эта икона была взята по распоряжению М.Б. Барклая де Толли и находилась в русской армии, сопровождая ее во всех событиях и битвах 1812 г., вплоть до освобождения Смоленска. По свидетельству генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, «войска с благоговением зрели среди себя образ сей и почитали оный благоприятным залогом Всевышнего Милосердия. При одержании над неприятелем важных побед и успехов приносимы были всегда пред иконою благодарственные молебствия»³⁵.

Накануне Бородинской битвы, 25 августа 1812 г., Смоленскую икону Божией Матери пронесли по всему военному лагерю. Вечером перед ней в присутствии М.И. Кутузова был отслужен молебен. Участнику сражения Ф.Н. Глинке при описании этого события удалось передать настроение, царившее при этом в русском лагере: «Духовенство шло в ризах, кадила дымились, воздух оглашался пением и святая икона шествовала. Сама собою, по влечению сердца, стотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую готова была упоить досыта своей кровью. Везде творилось крестное знамение, по местам слышались рыдания. Главнокомандующий, окруженный штабом, встретил икону и поклонился ей до земли»³⁶, его примеру последовали генералитет и вся армия.

Богослужения и молебны, регулярно проводимые полковыми священниками, поднимали моральный дух русской армии, укрепляли ее мужество. Перед сражением, обходя позиции своих полков, священники напоминали солдатам об их долге и присяге. На поле брани под неприятельским огнем они напутствовали умирающих, а при необходимости воодушевляли солдат личным примером – вставали с крестом в руке впереди полка, увлекая его в атаку.

Согласно данным архива Синода, в 1812 г. в ведомстве армейского духовенства состояло 240 человек³⁷, около 200 из них участвовали в Отечественной войне. 14 полковых священников получили во время войны ранения и контузии. Священник Черниговского драгунского полка Забуженков погиб в Бородинском сражении³⁸. Многие священнослужители получили награды. Согласно указу императора от 18 декабря 1797 г., для белого духовенства (в том числе и военного) были установлены следующие награды: скуфья, камилавка, золотой наперсный крест, выдаваемый от Сятейшего Синода. Награды давались в такой последовательности: священник, не имевший скуфьи, не мог быть награжден камилавкой; не имевший камилавки, не мог быть представлен к награждению наперсным крестом.) Ордена давались, как правило, после того, как священник получил все перечисленные награды, за исключением особых случаев. По формулярным спискам священников и другим документам, хранящимся в архиве Синода, удалось установить, что во время войны 1812 г. (или вскоре после нее) 7 священнослужителей (протоиерей Апшеронского полка Онисим Боровик³⁹, протоиерей Кавалергардского полка Михаил Гратинский⁴⁰, протоиерей Кирасирского Военного ордена полка Петр Летницкий⁴¹, протоиерей Олонецкого пехотного полка Иоанн Ящурицкий⁴², протоиерей Преображенского всей гвардии собора Алексей Торопогорицкий⁴³, протоиерей лейб-гвардии Литовского полка Василий Андрианов⁴⁴ и священник 20-го егерского полка Дмитрий Тредьяковский⁴⁵) были награждены орденом Святой Анны (первые шестеро – 2-й степени, а последний – 1-ой степени). Однако наибольшую известность во время войны получил священник 19-го егерского полка Василий Васильковский, награжденный за подвиг в сражении под Малоярославцем ор-

деном Святого Георгия 4-го класса. В истории России это был первый случай вручения такой награды священнику⁴⁶.

На оккупированной территории центральных губерний России Великая армия, как известно, столкнулась с активным сопротивлением мирного населения. Среди партизан было немало церковнослужителей и даже священников, которые часто являлись организаторами и руководителями крестьянских отрядов. Вступать в вооруженную борьбу с неприятелем их нередко побуждало его варварское отношение к церковным святыням. Так, священник села Крутая гора Юхновского уезда Смоленской губ. Григорий Лелюхин, увидев, что отряд французских мародеров (человек 50) ограбил церковь и осквернил алтарь, убедил своих прихожан устроить погоню. Вооружившись топорами и вилами, крестьяне неожиданно напали на грабителей в лесу и, перебив их, забрали назад церковное имущество. Воодушевленные удачей, крестьяне вскоре увеличили свой отряд до 200 человек. На колокольне храма они выставили сторожевого, который при приближении мародеров звонил в колокола, и крестьяне во главе с отцом Григорием отражали нападение⁴⁷.

Таким же образом действовали жители Гжатского уезда: при появлении французских мародеров священники поднимали тревогу колокольным звоном, и сбегавшиеся прихожане защищали церкви и свои жилища. Благодаря этому храмы в селах Сосницы, Чали, Дора были спасены от разорения⁴⁸. В Смоленской губ. предводителями крестьянских отрядов были также дьячок г. Рославля Савва Крестелев, погибший при столкновении с неприятелем у деревни Козловка⁴⁹, и пономарь села Савенок Сычевского уезда Алексей Смирин, награжденный знаком отличия Военного ордена за то, что смог отнять у французского офицера орден Почетного Легиона и четыре карты Российского государства⁵⁰.

В Московской губ. во главе одного из крестьянских партизанских отрядов стоял священник Верейского Рождественского собора Иоанн Никифорович Скобеев. Его заслуги особенно проявились при штурме г. Верея генерал-майором Дороховым. Собрав тысячу крестьян Вышегородской волости, Скобеев с их помощью срыл на Земляном валу сделанные французами укрепления, «изыскал во многих домах скрывшихся неприятелей, сжег неприятельские ворота, фуры и брички»⁵¹. Кроме того, по просьбе Дорохова отец Иоанн собрал 500 конных вооруженных крестьян, которые усилили его корпус, и подготовил 7 подвод для раненых воинов. Крестьяне с полной готовностью откликнулись на все призывы Скобеева, который, по его собственным словам, «будучи более 20 лет увещателем во всех присутственных местах, был совершенно им известен, и по известности снискал от них к себе доверенность и уважение»⁵².

Партизанскими подвигами отличился также дьячок села Рюховского Волоколамского уезда Московской губ. Василий Григорьевич Рагузин, организовавший из 500 крестьян отряд, успешно защищавший от неприятеля окрестные селения. Не ограничиваясь партизанскими набегами, Рагузин занимался разведкой. Для этой цели ему был дан открытый лист, согласно которому крестьяне предоставляли ему подводы и оказывали всяческое содействие. После войны за свои подвиги Рагузин был награжден серебряной медалью для ношения в петлице⁵³.

В Калужской губ. благодаря активным действиям духовенства и прихожан в двух из пяти оккупированных уездов – Мосальском и Тарусском – все храмы были спасены от разорения. Способ обороны был тот же, что и во многих местах Смоленской губ.: при приближении мародерских отрядов священники поднимали колокольный звон и сбегавшиеся крестьяне защищали храмы и дома своего села. Особенно успешно действовали прихожане села Любуни Мосальского уезда во главе с протоиереем Яковом Иоанновичем Чистяковым, отразившие несколько нападений. Один эпизод из жизни этого села в 1812 г. ярко свидетельствует о важности православной веры для русского народа и об авторитете духовенства. 28 августа 1812 г. французский отряд напал на Любунь и поджег несколько строений. Некоторые крестьяне помещика Протопопова, испугавшись за свои дома, поднесли врагам хлеб и соль, однако большая часть жителей оказала французам сопротивление. Мародеры были разбиты, и жители села собрались в храме

для благодарственного молебна. Протоиерей Чистяков произнес здесь проповедь «с изъяснением того, что Господь, видимо, спобораеет нам, предавая в невооруженные руки наши вооруженных злодеев». После окончания богослужения, когда прихожане подходили целовать крест, это намеревались сделать и те крестьяне, которые проявили малодушие, но Чистяков не допустил их к кресту со словами: «Подите прочь, вы не русские, вы не наши, вам не принадлежит торжество наше, вы хотели, поднося хлеб и соль французам, чтоб они восторжествовали над нами, удалитесь из нашего общества». По свидетельству очевидцев, это так «подействовало на прочих, что крестьяне при малейшей тревоге бросали полевые работы и спешили на отражение врагов, а дворовые ходили в Елнинский уезд на поиск французов и многие партии истребляли»⁵⁴.

Защищая храмы и церковное имущество, многие священники погибли. Например, священник Смоленского кафедрального собора Василий Широкий был затравлен собаками прямо в храме за то, что не позволил французскому офицеру взять серебряное кадило⁵⁵. В Москве были до смерти забиты при защите церковного имущества священники Сорокосвятской церкви Петр Вениаминов, Николаевской в Кошелях церкви Иван Петров, Архангельского собора Иван Гаврилов, Николаевской на Студенце церкви Алексей Иванов, дьякон Николаевской церкви Михаил Федоров и др.⁵⁶

Немногочисленные случаи выдачи врагу церковного имущества расценивались в то время как предательство и соответствующим образом карались. Так, крестьянин села Городища Юхновского уезда Смоленской губ. Сергей Мартынов, показавший врагам место под куполом церкви, где были спрятаны ценности, после освобождения села, по предписанию М.И. Кутузова, «за измену к Отечеству» был расстрелян отрядом Д.В. Давыдова⁵⁷. Отметим при этом, что документы того времени не зафиксировали ни одного случая выдачи духовенством церковного имущества.

Однако в некоторых местах имели место факты измены со стороны духовенства. Так, например, священник села Яковлевичи Ельнинского уезда Смоленской епархии Леонтий Ширяев и помощник секретаря Смоленской духовной консистории Николай Великанов были членами французского муниципалитета (получили за это прощение согласно п. 19 Высочайшего манифеста от 30 августа 1814 г.)⁵⁸. Священник Одигитриевской церкви Смоленска Никифор Мурзакевич после войны привлекался к суду «за измену», но был оправдан. По словам самого Мурзакевича, его «преступление» заключалось в следующем. 27 октября 1812 г., когда Наполеон возвращался из Москвы в пока еще оккупированный французами Смоленск, руководитель муниципалитета приказал священнослужителям встретить его в церковном наряде у Днепровских ворот. В назначенный день Наполеон не приехал, а 28 октября утром Мурзакевич шел с дароносицей к больному и у Троицкого монастыря случайно встретился с Наполеоном, который спросил его: «Ты поп?». Растерявшийся от неожиданности священник вынул просвиру и протянул ее Бонапарту. Отметим, что, по свидетельству современника (И. Маслова), расспросившего смолян-очевидцев 1812 г., торжественная встреча Наполеона у Днепровских ворот все-таки состоялась⁵⁹. Однако на территории центральных губерний России подобные случаи были редкостью.

Иную картину представляли собой западные районы Российской империи (Литва и Белоруссия), где местные власти открыто перешли на сторону Наполеона и где практически отсутствовало движение народного сопротивления. Причинами этого явления были относительно недолгое пребывание западных губерний в составе Российской империи (с 1772 г., после раздела Польши), последствия многолетнего вхождения этих земель в состав Польского государства (в частности, фактическое слияние русско-литовской знати с католической польской шляхтой, притеснение православного духовенства со стороны униатов, многовековое феодальное и религиозное угнетение крестьян), отсутствие лидеров из среды духовного и дворянского сословий, способных организовать движение сопротивления, а также результаты успешного проведения Наполеоном политической интриги в польском вопросе (перед Отечественной войной в западных губерниях Российской империи велась активная пронаполеоновская пропаганда с обещанием в случае победы восстановить Польское королевство). Православное духовенст-

во, привыкшее к притеснениям, проводило, как правило, в западных губерниях политику невмешательства. Исключение составлял Могилевский архиепископ Варлаам (Шишацкий), по приказу оккупационных властей сам принесший присягу на верность Наполеону и побудивший к этому подчиненное ему духовенство, часть которого выполнила его требование. (В ходе следствия, проводившегося с декабря 1812 г. по август 1813 г. по приказу императора Александра I членом Святейшего Синода архиепископом Рязанским Феофилактом, точную численность и полный список присягнувших Наполеону священно- и церковнослужителей установить не удалось, так как присяжные листы не сохранились. В связи с этим в докладе Святейшего Синода Александру I от 1 мая 1813 г. по этому поводу были приведены сведения, почерпнутые из письма архиепископа Варлаама преосвященному Феофилактору от 2 января 1813 г., где сообщалось, что «не было у присяги духовенства не менее двух третей, ибо до некоторых мест неприятельская власть не достигала, в других слабо действовала, а затем православные духовные удобно могли от присяги уклониться, хотя консистория, для виду, об оной им подтверждала»⁶⁰).

Причины своего поступка сам Варлаам объяснял желанием «сохранить в спокойствии и тишине врученную ему церковь»⁶¹. Святейший Синод не счел убедительными эти объяснения и признал Варлаама виновным в клятвопреступлении, а также в том, что он не только «не показал себя примером пастве своей в непоколебимой верности законному своему Государю, но навлек в таковое преступление многих из своих подчиненных». В качестве наказания Синод постановил: лишить преосвященного Варлаама архиепископства и священства, отобрать у него знаки ордена Святой Анны 1-ой степени и, оставив его только в монашеском чине, определить на пребывание в Новгородско-Северский Спасский монастырь Черниговской епархии⁶².

После окончания войны Церковь и государство провели ряд мероприятий, направленных на восстановление разрушенных церковных и монастырских зданий. Основным источником средств для восстановления святынь стали 3500000 руб., выделенные Комиссией духовных училищ «на исправление соборов, церквей, монастырей, училищных зданий» и на вспомоществование священно- и церковнослужителям в тех губерниях, где проходили неприятельские войска. Большая часть приходских храмов была восстановлена на средства прихожан.

Осознание народом России войны 1812 г. как войны православной позволило Церкви приобрести после победы новые святыни. 25 декабря 1812 г. вышел манифест императора Александра I, в котором сообщалось о намерении соорудить «церковь во имя Спасителя Христа» «в сохранение вечной памяти того безпримерного усердия, верности и любви к вере и к Отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ Русский, и в ознаменование благодарности Нашей к промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели»⁶³. Построенный в честь победы в войне 1812 г. храм Христа Спасителя превратился вскоре в одну из главных православных святынь страны.

В заключение хочется отметить, что роль Русской православной церкви в Отечественной войне 1812 г. не ограничивалась фактами непосредственного участия представителей духовного сословия в ее основных событиях, а была неразрывно связана с духовной жизнью всего российского общества.

Примечания

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. I–IV. СПб., 1840–1843; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Т. I–III. СПб., 1859–1860.

² Военский К.А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 года. М., 1912; Никольский А. Лица «Духовного чина» Московской епархии в их служении церкви и Отечеству в 1812 году. М., 1912; Студитский И.М. Русское духовенство в Отечественную войну 1812 года. Кострома, 1912; Шавельский Г.И. Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном. М., 1912.

³ Смирнов А. С крестом в руке впереди полка // Наука и религия. 1991. № 9; Лубченков Ю. «Воружите словом истины...» // Слово. 1992. № 11–12; Сергеева Е. С крестом и молитвою шли они в бой // Мера. 1995. № 2.

⁴ Крылов Н.С. Армейское духовенство в войне 1812 г. // Бомбардир. 2000. № 10. С. 75–79.

⁵ Пудко В.Г. Калужское духовенство в Отечественной войне 1812 года // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 года. Проблемы изучения. Персоналии. Памятники. Малоярославец, 1998. С. 108–114; Митрошенков А.Л.В. Из истории Малоярославецкого духовенства. 1812 год // Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000. С. 34–44.

⁶ Троицкий Н.А. 1812 г. Великий год России. М., 1988. С. 216.

⁷ Попов А.И. Партизаны и народная война в 1812 году // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы VIII Всероссийской научной конференции 1999 года. Бородино. 2000. С. 172–208; его же. Религиозная пропаганда в 1812 году // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы IV научной конференции. Москва, 26 апреля 2001 г. М., 2001. С. 193–212.

⁸ ПСЗ.-I. Т. 26. № 19263. С. 28.

⁹ См. Мансветов Г.И. Краткие христианские поучения для воинов, сказанные в церкви Успения Божией Матери, при Ширванском пехотном полку, состоящем в 24-й дивизии, в 1810 и 1811 гг. в Дубне и Старо-Константинове. Изд. 3. СПб., 1828.

¹⁰ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. II СПб., 1897. Приложения. С. 353.

¹¹ Там же. С. 354.

¹² Там же. С. 355–356.

¹³ РГИА, ф. 796, оп. 93, д. 627, л. 15.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же., ф. 806, оп. 1, д. 2156, л. 3.

¹⁷ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882. С. 45.

¹⁸ РГИА, ф. 796, оп. 93, д. 565, л. 1–3.

¹⁹ РГВИА, ф. Военно-ученого архива (далее – ВУА), д. 3465, ч. 11, л. 103–103 об.

²⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Т. II. С. 73.

²¹ Собрание Высочайших Манифестов, Грамот, Указов, Рескриптов, Приказов войскам и разных извещений, последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 50–57.

²² Рассказы о двенадцатом годе // Смоленские епархиальные ведомости. 1912. № 6. С. 330; Фельдмаршал Кутузов: документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 406.

²³ Собрание Высочайших Манифестов... С. 151.

²⁴ РГИА, ф. 797, оп. 1, д. 4419, л. 35.

²⁵ Там же, л. 33.

²⁶ Там же., ф. 796, оп. 93, д. 634, л. 9–10.

²⁷ Лаж – отклонение в сторону превышения рыночной «цены» золота (серебра), выраженной в бумажных деньгах, по сравнению с количеством бумажных денежных знаков, номинально представляющих данное количество золота.

²⁸ РГИА, ф. 796, оп. 93, д. 1031, л. 1–529; д. 634, л. 94–123.

²⁹ Московское дворянство в 1812 году. М., 1912. С. 391–401; 434–435.

³⁰ РГИА, ф. 797, оп. 1, д. 4499, л. 3.

³¹ Там же, ф. 796: оп. 93, д. 1031, л. 1–529.

³² Там же, л. 447.

³³ Там же, ф. 796, оп. 93, д. 790, л. 1.

³⁴ Там же, оп. 95, д. 1131, л. 54.

³⁵ Там же, ф. 797, оп. 1, д. 4488, л. 2; РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 3465, ч. 11, л. 485.

³⁶ Глинка Ф.Н. Очерки Бородинского сражения. ч.1. М., 1839. С. 39.

³⁷ РГИА, ф. 796, оп. 95, д. 812, л. 267.

³⁸ Там же, оп. 96, д. 573, л. 2.

³⁹ РГИА, ф. 806, оп. 1, д. 2313, л. 1–6.

⁴⁰ Там же, оп. 16, д. 573, л. 1–2.

⁴¹ Там же, д. 1288, л. 1–2.

⁴² Там же, оп. 17, д. 845, л. 1–3.

⁴³ Там же, ф. 797, оп. 2, д. 4912 а, л. 12.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, ф. 806, оп. 17, д. 484, л. 1–6.

⁴⁶ Там же, оп. 1, д. 2446: л. 1.

- ⁴⁷ Рассказы о двенадцатом годе // Смоленские епархиальные ведомости. 1912. № 1. С. 20–21.
- ⁴⁸ РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 3465, ч. 10, л. 142–154.
- ⁴⁹ Орловский И. Дьячек-партизан 1812 года // Исторический вестник. 1902. № 10. С. 260.
- ⁵⁰ РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 3465, ч. 10, л. 71–71 (об.).
- ⁵¹ Там же, л. 18.
- ⁵² Там же, л. 19.
- ⁵³ Василий Григорьевич Рагузин, причетник-герой 1812 года // Душеполезное чтение. 1868. № 8. С. 100–101.
- ⁵⁴ РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 3465, ч. 10, л. 99–99 (об.); М а л ы ш к и н С.А. Калужский край в 1812 году: по материалам архива А.И. Михайловского-Данилевского // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Материалы научной конференции, посвященной 181-й годовщине Малоярославецкого сражения. Малоярославец, 1994. С. 88–90.
- ⁵⁵ Рассказы о двенадцатом годе // Смоленские епархиальные ведомости. 1912. № 3.
- ⁵⁶ Р о з а н о в Н.П. Московские святыни в 1812 году. М., 1912. С. 55–56.
- ⁵⁷ РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 3465, ч. 10, л. 184–185.
- ⁵⁸ РГИА, ф. 796: оп. 95, д. 1152, л. 20.
- ⁵⁹ РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 3465, ч. 11, л. 475–475 (об.).
- ⁶⁰ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Под ред. К. Военского. Т. III. СПб., 1912. С. 226; 241.
- ⁶¹ Там же. С. 233.
- ⁶² Там же. С. 249.
- ⁶³ Собрание Высочайших манифестов... С. 103.

© 2002 г. В.Н. ЗЕМЦОВ*

«ФРАНЦУЗСКОЕ» БОРОДИНО

(французская историография Бородинского сражения)

Война 1812 г. стала одной из важнейших вех в российской и мировой истории. Ее события, кульминацией которых было Бородинское сражение, неизменно вызывают большой интерес историков, писателей и публицистов, создавая иллюзии о некоей «прозрачности» и очевидности их причин, хода и последствий. В сущности, все книги о Бородинском сражении с удивительным постоянством воспроизводят в каждой отдельно взятой стране одни и те же национально-ограниченные сюжеты и вызывают одни и те же национально-определенные чувства. Историческая память каждого народа, участвовавшего в сражении или наблюдавшего его издали (как, например, обстояло дело с англичанами и американцами), базируется на каком-то одном, строго определенном мифе, созданном под воздействием коллективных представлений той или иной нации и благодаря различным идеологическим манипуляциям, производимым государственной властью. В настоящей статье мы обратимся к тому мифу о Бородинском сражении, который сформировался во французской историографии.

Еще не закончилась Бородинская битва, как в 3 часа пополудни 7 сентября 1812 г.** начальник штаба наполеоновской армии маршал Л.-А. Бертье отправил министру иностранных дел Франции Г.-Б. Маре, герцогу Бассано, сообщение о выигранном сражении: «Его величество атаковал врага в 5 часов утра. Он (враг. – В.З.) совершенно разбит. Сейчас 3 часа, враг полностью отходит, император его преследует»¹. Через 3 дня в Можайске Наполеон собственноручно составил 18-й бюллетень Великой армии², где попытался представить «битву при Москве-реке» как полную и решительную победу над русскими войсками. По утверждению бюллетеня, уже к 8 часам утра неприятель был

* Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

** Все даты даны по новому стилю.